12152-0
2007466835
F 68
78
801-17
2073

О СВОБОДѢ ВОЛИ.

Н. В. Бугаева.

(Читано въ засѣданіи Московскаго Психологическаго Общества 4-го февраля 1889 года).

---

§ 1. Вопросъ о свободѣ воли имѣетъ обширную литературу. Онъ стоитъ въ прямой связи съ основными задачами человѣческой жизни. Его точное рѣшеніе очень трудно. Эта трудность коренится въ самой сущности нашихъ воззрѣній на свободу и волю.

Наши понятія о свободѣ и волѣ очень сложны. Слѣдуетъ раскрыть содержаніе, уяснить ихъ внутренній смыслъ. Безъ предварительнаго разбора этихъ понятій сочетаніе ихъ неясно, сбивчиво.

Сдѣлаемъ одну необходимую оговорку. Разсуждая о волѣ, мы будемъ разумѣть конкретную человѣческую волю. Есть другая метафизическая воля. Въ нѣкоторыхъ философскихъ построеніяхъ она стоитъ внѣ отношенія къ человѣку и природѣ. Умолчимъ пока объ ней. Будемъ говорить о томъ, что подлежитъ нашему наблюденію, доступно внѣшнему и внутреннему опыту.

Разсмотримъ при какихъ условіяхъ обнаруживается конкретная человѣческая воля.

Наша воля не обнаруживается тамъ, гдѣ нѣтъ дѣятельности. *Нѣтъ дѣятельности, нѣтъ воли.* Это отрицательное положеніе остается вѣрнымъ, будетъ-ли дѣятельность мускульная, умственная или эмоціональная, активная или пассивная, эгоистическая или альтрюистическая, цѣлесообразная или эстетическая, индивидуальная или общественная. Неизбѣжныя условія проявленія нашей дѣятельности и нашей воли одни и тѣ-же. Разберемъ эти условія.

По свойству нашей природы всякая наша дѣятельность сопровождается нѣкоторою работою. Присутствіе этой работы всѣмъ замѣтно. Для дѣятельности необходимъ расходъ силъ, затрата накопленной энергіи. Во внутреннемъ опытѣ эта трата силъ, эта работа сопровождается субъективнымъ чувствомъ усилія. Это чувство указываетъ намъ, что въ нашей дѣятельности мы встрѣчаемъ препятствія, преодолѣваемъ нѣкоторыя сопротивленія. Это чувство усилія можно назвать чувствомъ работы.

Французскій философъ Jouffroy смотрѣлъ на чувство усилія какъ на первоначальный фактъ сознанія. Онъ считалъ его основаніемъ нашего бытія, нашего *я*. Мы, говоритъ онъ, ничто иное какъ усиліе, сила самосознательная, самообладающая. Извѣстно, что всякая долгая и напряженная дѣятельность заканчивается истощеніемъ силъ. Истощеніе это идетъ рука объ руку съ субъективнымъ чувствомъ утомленія.

Дѣятельность бываетъ кинетическая и потенціальная. Первая проявляется, вторая только способна къ проявленію. Мы будемъ говорить о проявленной или кинетической дѣятельности.

Первое необходимое условіе для проявленной дѣятельности есть работа и чувство работы. Послѣднее чувство иногда бываетъ незамѣтно. Иногда оно не достигаетъ нашего сознанія. Тѣмъ не менѣе самая работа постоянно имѣетъ мѣсто, она всегда существуетъ. *Большая или меньшая работа указываетъ на большую или меньшую активность въ дѣятельности.* Доказывать положеніе о связи человѣческой дѣятельности съ работою излишне. Физіологія ощущеній, ученіе о нервной энергіи, наше прямое наблюденіе и опытъ подтверждаютъ истину этого положенія. Наука не сомнѣвается въ его вѣрности. Она имѣетъ въ виду измѣрить количество этой работы, задается лишь вопросомъ объ ея отношеніяхъ къ дѣятельности и формахъ ея проявленія.

Другое необходимое условіе дѣятельности, а слѣдовательно и воли есть форма ея проявленія. Эта форма обусловливается *организаціей* человѣка и окружающей *средой*. Организація и среда находятся во взаимномъ соотвѣтствіи. Для дѣятельности мышечной необходима организація мускульная, для дѣятельности внѣшнихъ чувствъ то или другое физіологическое устройство органовъ внѣшнихъ чувствъ. Для умственной дѣятельности необходимъ еще тотъ или другой запасъ общихъ понятій, готовыхъ сужденій и умозаключеній, умственныхъ навыковъ и привычекъ. Запасъ этотъ

пріобрѣтается воспитаніемъ человѣка и всей исторіей человѣчества.

Та или другая физическая, эмоціональная, эстетическая, индивидуальная или общественная организація обусловливаютъ и самое проявленіе соотвѣтствующей дѣятельности человѣка. Тѣ-же заключенія относятся и къ средѣ, въ которой проявляется дѣятельность.

Въ тѣсной связи съ вопросомъ объ организаціи стоитъ вопросъ о привычкахъ или опредѣленныхъ формахъ обнаруженія дѣятельности и воли. Привычка является иногда капитализованною предыдущею дѣятельностію. Продолжительная предыдущая работа преобразуется въ привычку. Такое преобразованіе работы въ привычку даетъ замѣчательный примѣръ психическаго преобразованія силъ. Это преобразованіе совершается подъ непосредственнымъ контролемъ организующей силы дѣятеля. Существованіе хорошихъ привычекъ умножаетъ средства человѣческой воли, возвышаетъ ея силу. Организація общества также облегчаетъ дѣятельность и увеличиваетъ силу индивидуума. Вопросъ объ организаціи полезныхъ и дезорганизаціи вредныхъ привычекъ есть одинъ изъ существенныхъ вопросовъ прикладной психологіи.

Положеніе „нѣтъ дѣятельности, нѣтъ воли“ означаетъ, что нѣтъ воли тамъ, гдѣ нѣтъ работы, организаціи и среды для дѣятельности. Люди не способные къ работѣ, люди, которыхъ индивидуальность не организована физически и духовно, люди безъ среды не имѣютъ воли. Отсутствіе одного изъ этихъ условій

парализуетъ волю, уничтожаетъ всякую возможность ея проявленія.

§ 2. Человѣческая воля не обнаруживается тамъ, гдѣ нѣтъ сознательности. *Нѣтъ сознанія, нѣтъ воли.* Для сознательной дѣятельности необходимо, чтобы ея проявленіе было намъ замѣтно, отмѣчалось нами, чтобы дѣятельность останавливала, сосредоточивала вниманіе на себѣ. Кромѣ свойства быть замѣтнымъ, сознаніе еще отличается соотносительнымъ характеромъ. *Сознаніе есть знаніе чего-нибудь одного въ его отношеніи къ другому.* Нѣтъ сознанія тамъ, гдѣ впечатлѣнія не замѣтны. Нѣтъ сознанія и тамъ, гдѣ дѣятельность стоитъ одиноко, ни съ чѣмъ не связана. Нѣтъ сознанія тамъ, гдѣ нѣтъ прочныхъ ассоціацій, правильно развитой памяти. Сознаніе можетъ проявляться въ самыхъ разнообразныхъ видахъ. Одна изъ важныхъ формъ его извѣстна подъ именемъ *самосознанія.* Сознаніе можетъ быть направлено на чувство работы, на организацію, среду для дѣятельности и на результаты дѣятельности. Гдѣ нѣтъ сознанія, тамъ нѣтъ и вмѣненія, нѣтъ и отвѣтственности.

Нѣтъ сознанія, нѣтъ воли — это второе отрицательное положеніе. Оно означаетъ, что нѣтъ воли тамъ, гдѣ воспріимчивость такъ мало развита, что ощущенія, выражаясь технически, не могутъ перейти порога сознанія, или войти въ поле сознанія. Нѣтъ воли тамъ, гдѣ наличныя впечатлѣнія отличаются такою непосредственностію, что не входятъ ни въ какія взаимныя отношенія, не образуютъ связей, не даютъ матеріала для ассоціацій. Нѣтъ воли тамъ, гдѣ впечатлѣ-

нія не могутъ воскреснуть изъ своего прошлаго бытія, гдѣ нѣтъ памяти и воображенія. Наконецъ нѣтъ воли тамъ, гдѣ эти впечатлѣнія не входятъ въ ассоціацію съ тѣмъ неизмѣннымъ и постояннымъ единствомъ, которое является организующимъ элементомъ въ нашей жизни и извѣстно подъ именемъ нашего *я*. Нѣтъ воли тамъ, гдѣ нѣтъ самосознанія и правильно-развитой индивидуальности.

§ 3. Наконецъ наша воля не обнаруживается тамъ, гдѣ нѣтъ желанія. Желаніе, освѣщаемое сознаніемъ,— желаніе осложненное получаетъ опредѣленное направленіе. Оно дѣлается хотѣніемъ, стремленіемъ, носитъ названіе плана, основанія, цѣли, мотива для дѣятельности. Иногда мотивированную дѣятельность въ связи съ ея теоретическими и практическими средствами можно назвать цѣлесообразною.

Распространяя такъ широко понятіе желанія, можно формулировать третье отрицательное положеніе: *нѣтъ желанія, нѣтъ воли.* Это значитъ, что воли нѣтъ тамъ, гдѣ нѣтъ плана, основанія, мотива, цѣли для дѣятельности. И такъ дѣятельность, сознаніе и желаніе суть три необходимые элемента для проявленія воли.

Такимъ образомъ имѣетъ мѣсто слѣдующее

Общее положеніе: *Воля проявляется только тамъ, гдѣ есть сознательная, мотивированная или цѣлесообразная активная дѣятельность.*

§ 4. Всякая дѣятельность состоитъ изъ ряда цѣльныхъ, связанныхъ между собою звеньевъ. Каждое такое отдѣльное звено будемъ называть *поступкомъ*.

Мы опредѣлили тѣ необходимыя условія, которыя рѣшаютъ вопросъ, присутствуетъ-ли въ данной дѣятельности или въ данномъ поступкѣ воля, или ея нѣтъ.

Воля проявляется въ поступкахъ не съ одинаковою силою. Мы различаемъ въ дѣятельности сильную и слабую волю.

Постараемся-же анализировать условія, указывающія на большую или меньшую волю.

Дѣятельность, какъ необходимое условіе проявленія воли, обнаруживается съ большею или меньшею энергіею. Чѣмъ энергичнѣе дѣятельность, тѣмъ сильнѣе воля. Этотъ выводъ подлежитъ исключенію. Въ той энергіи, которая проявляется безсознательно, безучастно или безцѣльно, мы не признаемъ присутствія воли. Такую энергію, какъ-бы она ни была велика, зовутъ мимовольною энергіею. Нецѣлесообразный и непроизводительный расходъ силъ не имѣетъ никакого отношенія къ волѣ. Энергія въ дѣятельности должна обнаруживаться въ опредѣленной формѣ, соотвѣтствующей индивидуальной и общественной организаціи и условіямъ окружающей среды. Талантливая рѣчь на непонятномъ языкѣ не производитъ впечатлѣнія, глубокія и тонкія соображенія, не соотвѣтствующія обстоятельствамъ дѣла, не ведутъ къ полезному результату. Вотъ почему мы силу воли измѣряемъ не только тою энергіею, съ которою обнаруживается дѣятельность, а часто и тѣмъ результатомъ, къ которому данная энергія ведетъ. Знаніе организаціи и среды увеличиваетъ этотъ результатъ и повышаетъ силу проявленія воли. Оно предохраняетъ дѣятельность отъ безцѣль-

ной затраты силъ, оно возвышаетъ ея значеніе. Законъ сохраненія энергіи играетъ тутъ очень важную роль.

Въ тѣсной связи съ нашимъ представленіемъ о силѣ воли находится субъективное чувство усилія или работы. При этомъ кромѣ абсолютной мѣрки нужно принимать во вниманіе соотношеніе между волевымъ напряженіемъ и тѣми средствами, которыми располагаетъ та или другая индивидуальная организація. Иногда въ малыхъ размѣрахъ волевого напряженія мы должны видѣть проявленіе очень сильной воли. При ничтожныхъ средствахъ дѣятеля даже малое напряженіе указываетъ часто на присутствіе сильной воли. При измѣреніи силы воли мы должны всегда принимать во вниманіе и абсолютную и относительную оцѣнку волевого напряженія.

§ 5. Большая или меньшая сознательность также повышаетъ интенсивность воли. Повышеніе сознательности совершается въ двухъ направленіяхъ. Можетъ повышаться способность замѣчать или отмѣчать явленія или впечатлѣнія. Эта способность увеличивается воспитаніемъ, упражненіемъ, опытомъ. Она передается иногда наслѣдственно. Она увеличивается съ возрастаніемъ способности находить сходства и различія, съ развитіемъ умственной жизни. Въ области чувства она является иногда непосредственнымъ даромъ природы. Часто этотъ даръ есть только потенціальная энергія, продуктъ предыдущихъ условій жизни. Можетъ повышаться также способность сохранять и воспроизводить впечатлѣнія. Могутъ развиваться память и воображеніе. Сознательность можетъ повышаться еще отъ того, что въ духѣ накопляется все большее и большее количество ассоціацій или связей между явленіями.

Развиваясь и поднимаясь сознательность повышаетъ и силу воли. Сознаніе повышаетъ волю тѣмъ, что, благодаря знанію условій организаціи и среды, получается возможность направлять дѣятельность съ большею пользою, дѣлать ее болѣе цѣлесообразною, вести къ болѣе плодотворнымъ результатамъ.

Сознаніе, уясняя средства и цѣли для дѣятельности, въ то-же время ослабляетъ чувство работы. Оно даетъ возможность достигать требуемыхъ цѣлей съ меньшимъ усиліемъ. Оно практически освобождаетъ дѣятельность отъ препятствій и сопротивленій. Освобождая дѣятельность, оно освобождаетъ и волю.

Однако одна развитая сознательность не всегда указываетъ на сильную волю. Безсиліе или неспособность къ дѣятельности могутъ идти рука объ руку съ сознаніемъ этого безсилія. Есть очень много людей съ широко-развитымъ сознаніемъ, безъ рѣшимости и энергіи, безъ почина и характера. Они безсильны, ибо у нихъ нѣтъ ни сильныхъ желаній, ни сильныхъ чувствъ, ни рѣшимости, ни способности къ дѣйствію. Это происходитъ отъ того, что у нихъ нѣтъ необходимой жизненности для дѣйствія. У нихъ ослаблено чувство жизни.

§ 6. Третье необходимое условіе присутствія воли есть желаніе простое или сложное. Желаніе имѣетъ различныя степени силы и напряженія. Болѣе сильное

желаніе указываетъ на большую жизненность. Повышая жизненность, мы всегда повышаемъ и волю.

Желаніе на первой ступени своего развитія, не освѣщенное вполнѣ сознаніемъ, является въ формѣ волевого зуда. Оно есть смутное стремленіе удовлетворить той или другой необходимой потребности. Этотъ зудъ и есть та метафизическая воля, которая въ нѣкоторыхъ философскихъ системахъ является основаніемъ для дальнѣйшихъ построеній. Переходя на высшихъ ступеняхъ развитія въ стремленіе и мотивъ, освѣщаемое сознаніемъ средствъ и цѣлей, опираясь на организацію и среду, оно служитъ главнымъ и необходимымъ элементомъ для проявленія сильной воли. Сильный мотивъ необходимъ для проявленія сильной воли. Сильный мотивъ сопровождается или сильнымъ чувствомъ или глубокимъ сознаніемъ въ важности мотива для нашихъ цѣлей.

Чувство и идея являются одинаково важными элементами всякаго желанія. Отъ преобладанія того или другого элемента зависитъ самый характеръ мотива. Сильное чувство и сильное убѣжденіе могутъ въ одинаковой мѣрѣ служить основаніемъ для проявленія сильной воли. Въ самомъ мотивѣ уже есть элементъ сознательности. Вотъ почему сознательное, ясное желаніе или мотивъ характеризуютъ лучше всего сильную волю. Въ нашихъ заключеніяхъ о силѣ воли мы принимаемъ во вниманіе не одну наличную силу мотива. Мотивы имѣютъ не одинаковую продолжительность во времени. При равныхъ прочихъ условіяхъ тотъ мотивъ сильнѣе, который захватываетъ болѣе поступковъ, обнимаетъ большую дѣятельность. Если сильные мотивы быстро смѣняются, мы въ такой дѣятельности не замѣчаемъ проявленія сильной воли. Кромѣ силы энергическая воля характеризуется такъ-же постоянствомъ и продолжительностію желаній и мотивовъ. Судорожная и непослѣдовательная смѣна хотябы и мощныхъ мотивовъ указываетъ на слабость и болѣзненность воли. Тѣ мотивы, которые проникнуты болѣе широкими и постоянными чувствами, болѣе глубокими, обширными и общими идеями берутъ верхъ надъ мотивами, проникнутыми болѣе узкими чувствами и болѣе ограниченными идеями.

Болѣе широкіе и глубокіе мотивы связываютъ болѣе поступковъ, захватываютъ болѣе продолжительную дѣятельность, а слѣдовательно и болѣе способны служить выраженіемъ сильной воли.

Сильные характеры всегда крѣпче и дольше стоятъ на своихъ цѣляхъ и планахъ. Настойчивость, выдержанность, постоянство иногда побѣждаютъ сильный умъ, сильное чувство и энергическую дѣятельность. Подъему силы воли содѣйствуетъ только то воспитаніе, которое расширяетъ сознаніе въ области идей, замѣняя простыя болѣе общими идеями, организуетъ чувства, замѣняя случайныя и мелкія чувствами возвышенными и глубокими, желанія эгоистическія стремленіями альтрюистическими и гуманными. Въ этомъ воспитаніи не должно быть упущено изъ виду такъже весьма важная и существенная цѣль—это подъемъ жизненности и энергіи. Такому подъему очень много содѣйствуетъ физическое воспитаніе.

Одна изъ важныхъ идей, способныхъ связывать и объединять поступки и придавать дѣятельности цѣльность и единство есть идея нашего *я*. Развитіе самосознанія и индивидуальности много содѣйствуетъ развитію воли. При этомъ развитіе личности не должно направляться въ сторону мелкихъ идей и грубыхъ чувствъ. Развитіе личности и самосознанія идетъ рука объ руку съ развитіемъ способности ставить наше *я* въ гармоническое соотношеніе къ цѣлому міру. Оно тѣсно связано съ развитіемъ нашего личнаго достоинства въ хорошемъ смыслѣ слова: оно далеко отъ эгоистическихъ и мелкихъ интересовъ. Оно кладется въ основаніе самообладанія и характера. Самообладаніе должно опираться на познаніе самого себя, на знаніе своей личности, ея особенностей и недостатковъ. Познай самого себя — есть исходное основаніе для рязвитія всякой сильной воли.

Изъ всѣхъ побужденій стремленіе къ достиженію истины, идеи и чувства всеобщаго и разумно-понимаемаго блага и гармоніи и идеалы личнаго и общественнаго совершенствованія суть тѣ мотивы, которые отличаются наибольшею широтою и глубиною, а слѣдовательно и наибольшимъ постоянствомъ. Исторія неуклонно намъ указываетъ, что это въ то-же время и самые сильные мотивы для дѣятельности.

Есть еще одна полезная сторона во всякомъ широкомъ мотивѣ. Господство глубокаго и мощнаго мотива въ нашей дѣятельности обладаетъ способностію направлять сознаніе на эти мотивы, отвлекать его отъ чувства работы. Чувство работы мало по малу притупляется, заглушается сильнымъ мотивомъ. Дѣятельность и воля все болѣе и болѣе какъ-бы освобождаются отъ препятствій и сопротивленій. Это освобожденіе чисто субъективное, тѣмъ не менѣе играетъ очень важную роль въ нашей дѣятельности. Изъ всего вышесказаннаго вытекаетъ слѣдующее:

Общее положеніе: *Воля проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе, жизненнѣе, разумнѣе, цѣлесообразнѣе и свободнѣе дѣятельность, чѣмъ шире и богаче сознаніе, полнѣе и глубже область самосознанія, сильнѣе, постояннѣе и общѣе мотивы для дѣятельности, т. е. чѣмъ сильнѣе, полнѣе и совершеннѣе раскрывается вся личность человѣка.*

§ 7. Переходимъ теперь къ разбору понятія свободы. Въ концѣ нашего анализа понятія воли мы пользовались выраженіями: *свободнѣе*, *освобождаетъ*.

Переходъ отъ анализа понятія воли къ понятію свободы прямо вытекаетъ изъ самой сущности дѣла.

Гегель, примѣняя свой діалектическій методъ образованія понятій, утверждалъ, что понятіе свободы есть синтезъ понятій произвола и необходимости. Эти понятія, согласно съ его діалектическимъ методомъ, играютъ роль тезы и антитезы. Оставляя въ сторонѣ эту діалектическую игру понятіями, мы должны признать, что есть нѣкоторая доля справедливости въ этомъ соотношеніи понятія свободы къ понятіямъ произвола и необходимости.

Главное свойство всякаго произвола есть случайность, неопредѣленность, индетерминизмъ. Главный-же характеръ всякой воли обусловливается опредѣленнымъ и постояннымъ мотивомъ.

Понятія о произволѣ и волѣ исключаютъ другъ друга. Произвольная воля есть выраженіе неумѣстное. Оно есть отрицаніе воли. Нѣтъ воли тамъ, гдѣ дѣятельность носитъ на себѣ случайный характеръ, т. е. не имѣетъ границъ, плана и цѣли дѣйствія. Такая дѣятельность есть судорожная смѣна поступковъ. Самодурство и капризъ — это болѣзни воли. Психологи вѣрно указываютъ, что это въ то-же время тяжелыя и глубокія болѣзни. Онѣ всегда сопровождаются чувствомъ неудовлетворенности и страданія.

§ 8. Понятію случайности противуполагаютъ понятіе необходимости. Необходимость бываетъ внѣшняя и внутренняя. Необходимость внѣшняя обнаруживается въ двухъ видахъ. Или она является подъ видомъ непреодолимости внѣшнихъ препятствій и сопротивленій. Выражаясь математически, необходимость соотвѣтствуетъ случаю, когда величина сопротивленія или препятствія нашей дѣятельности равна безконечности. Всѣ мотивы, встрѣчающіе подобныя неодолимыя сопротивленія, парализуются. Всякое ихъ обнаруженіе не возможно. Наша дѣятельность и наша воля должны принять это во вниманіе. Воля, дѣйствующая въ направленіи невозможныхъ или несообразныхъ мотивовъ, не цѣлесообразна. Она противорѣчитъ разумной сознательности, основному условію для своего обнаруженія. Такая дѣятельность перестаетъ быть проявленіемъ воли.

Въ другой формѣ необходимость является подъ видомъ тѣхъ неизбѣжныхъ условій, сообразно съ которыми слѣдуетъ дѣйствовать. Этихъ условій налагаемыхъ окружающею средою, нельзя иногда отдѣлить отъ внутренней необходимости. Они составляютъ постоянную принадлежность всѣхъ проявленій воли и не могутъ практически стѣснять ея. Дѣйствуя сообразно съ ними, воля не преодолѣваетъ никакого сопротивленія. Ея дѣятельность не сопровождается никакимъ чувствомъ работы. Подчиняясь имъ, она дѣлается въ нѣкоторомъ смыслѣ свободною.

То-же можно сказать и о внутренней необходимости. Если она является въ формѣ непреодолимыхъ внутреннихъ препятствій, она парализуетъ волю. Если-же внутренняя необходимость является въ формѣ неизбѣжныхъ условій обнаруженія всякой воли, она входитъ основнымъ элементомъ въ самое существо воли и не можетъ стѣснять ея.

Воля, дѣйствующая по внутреннимъ неизбѣжнымъ условіямъ какого-нибудь разумнаго и нормальнаго дѣятеля, соотвѣтствующимъ его сущности, не противорѣчитъ себѣ. Такая необходимость не мѣшаетъ проявленію воли. Итакъ, сочетаніе понятій необходимости и воли не мыслимо, если подъ необходимостію разумѣть непреодолимость внутреннихъ и внѣшнихъ сопротивленій. Какъ произвольной воли, такъ и воли необходимой въ этомъ смыслѣ слова нѣтъ.

Воля проявляется только тамъ, гдѣ мотивъ—такого свойства, что препятствія и сопротивленія для его обнаруженія преодолимы теоретически или практически.

Остается только сочетаніе понятій свободы и воли.

Свобода проявляется при тѣхъ-же условіяхъ, при которыхъ проявляется и воля. Для свободы необхо-

димы дѣятельность, сознательность и мотивы, сопровождаемые преодолѣваемыми сопротивленіями. Чѣмъ больше сопротивленій или чѣмъ меньшимъ чувствомъ работы они сопровождаются, тѣмъ дѣятельность свободнѣе. Дѣятельность свободная не есть дѣятельность ни произвольная, ни необходимая. Она скорѣе есть дѣятельность закономѣрная, сознательная и стѣсняемая только преодолѣваемыми сопротивленіями.

Мы видимъ, что условія, при которыхъ проявляется воля и свобода одни и тѣ-же. Разница опредѣляется только объектомъ сознанія. Когда идетъ дѣло о волѣ, наше сознаніе главнымъ образомъ сосредоточивается на мотивѣ, а когда дѣло идетъ о свободѣ, оно сосредоточивается на отсутствіи препятствій. Мы прежде замѣтили, что въ случаѣ проявленія болѣе сильной воли, сознаніе, сосредоточиваясь на мотивѣ, притупляетъ субъективное чувство работы. Дѣятельность, не стѣсняется чувствомъ работы, какъ-бы освобождается.

Отсюда заключаемъ, что свобода и дѣятельность, въ которой проявляется сильная воля, въ своемъ идеальномъ обнаруженіи совпадаютъ. Въ русскомъ языкѣ прямо существуетъ очень мѣткое выраженіе: *вольная воля*. Это выраженіе указываетъ на волю какъ на сильно мотивированную, сознательную дѣятельность, не сопровождаемую чувствомъ стѣсненія, работы, сопротивленія и подчиняющуюся въ своемъ проявленіи только внутреннимъ необходимымъ законамъ дѣятеля. По русски дать волю значитъ дать свободу, устранить стѣсненія и препятствія. Maine de Biran ставилъ свободу въ связь съ актомъ, которымъ мы даемъ преобладаніе интеллектуальнымъ мотивамъ надъ желаніями чувственными. Этотъ актъ есть актъ вниманія. Свобода воли есть сила, которою обладаетъ душа,—давать значеніе мотивамъ, на которыхъ она останавливается. Свобода есть чувство дѣятельной мощи, предполагаетъ реальность этой мощи, а внутреннее чувство доказываетъ своимъ существованіемъ его реальность. Для Maine de Biran' а свобода воли есть неоспоримый фактъ опыта.

Конкретная человѣческая воля никогда вполнѣ не освобождается отъ чувства преодолѣваемаго сопротивленія. Абсолютно-свободной человѣческой воли нѣтъ. Есть воля болѣе или менѣе свободная. Чувство работы имѣетъ высокое практическое значеніе. Оно присутствіемъ своимъ указываетъ, въ какой мѣрѣ мы руководимся реальными мотивами, способными къ осуществленію, а не побужденіями фиктивными и несообразными. Оно ослабленіемъ своимъ указываетъ, что воля дѣйствуетъ въ направленіи цѣлесообразномъ и вѣрномъ.

Воля постольку, поскольку она провѣряется этимъ чувствомъ, получаетъ дѣйствительное, реальное значеніе и способна вѣрнымъ путемъ приближаться къ вполнѣ свободной волѣ какъ своему послѣднему идеалу. Къ сожалѣнію, понятіе о свободѣ смѣшиваютъ съ понятіемъ о произволѣ. Это ведетъ къ большимъ недоразумѣніямъ. Чтобы избѣгнуть ихъ, слѣдуетъ вопросъ о свободѣ воли замѣнить вопросомъ о самостоятельности воли или вопросомъ объ автономіи каждой индивидуальности. Идея свободы неразлучна съ идеею индивидуальности. Идея же индивидуальности противоположна идеѣ универсальности. Съ идеею универсаль-

ности связана идея необходимости. Отвлеченный вопросъ о свободѣ воли, рѣшаемый на почвѣ однихъ абстрактныхъ соображеній, обыкновенно связываютъ съ вопросомъ о томъ, подчиняются или не подчиняются всѣ міровыя явленія законамъ необходимости?

Этотъ-же вопросъ тѣсно связанъ съ вопросомъ о томъ, суть-ли индивидуальности реальныя единицы, или въ общемъ ходѣ міровыхъ явленій онѣ не имѣютъ никакого дѣйствительнаго значенія, а суть только галлюцинаціи и иллюзіи?

При такой отвлеченной постановкѣ, вопросъ о свободѣ воли стоитъ въ необходимой связи съ вопросами, точное рѣшеніе которыхъ стоитъ далеко за предѣлами силъ и способностей человѣка. Эти вопросы трансцендентнаго характера. Я устраняю въ своихъ соображеніяхъ всякую трансцендентность не потому, что я отрицаю ее, а только потому, что я желаю остаться въ предѣлахъ простой и всѣмъ доступной области пониманія. Я считаю, что не слѣдуетъ связывать самыхъ существенныхъ вопросовъ конкретной морали, права, воспитанія и общественности съ отвлеченно поставленнымъ вопросомъ о свободѣ воли. Гораздо правильнѣе эти существенные вопросы человѣческой жизни поставить въ связь съ вопросомъ о самостоятельности воли или лучше съ вопросомъ объ автономіи человѣка. Этотъ вопросъ важнѣе вопроса о свободѣ воли. Онъ важнѣе для нравственныхъ цѣлей, для развитія личности и для общественнаго блага.

§ 9. Какъ же рѣшить этотъ вопросъ?

Имѣетъ ли воля человѣка, или лучше самъ человѣкъ

въ общей совокупности міровыхъ силъ какое-нибудь самостоятельное значеніе? Можетъ-ли человѣкъ смотрѣть на себя какъ на равноправный, источникъ дѣятельныхъ и творческихъ силъ въ общемъ міровомъ порядкѣ явленій?

Можно отвѣтить на этотъ вопросъ, внимательно всматриваясь въ общій процессъ міровыхъ силъ и явленій.

Въ общемъ ходѣ міровыхъ явленій ученый замѣчаетъ, что носителями всѣхъ явленій и источниками всѣхъ міровыхъ силъ являются элементы міра. Для нашего непосредственнаго и научнаго наблюденія въ мірѣ имѣются только тѣ силы, которыя обнаруживаются въ элементахъ или вытекаютъ изъ взаимнаго ихъ отношенія. Для научнаго сознанія міръ есть идеальный и конкретный синтезъ этихъ элементовъ. Всякая міровая сила есть тотъ или другой синтезъ элементарныхъ силъ. Если-бы ихъ не было въ элементахъ этихъ силъ, не было-бы ихъ въ цѣломъ мірѣ. Изъ ничего не вышло-бы ничего. Наука даже заставляетъ полагать, что съ механической точки зрѣнія количество этихъ силъ остается постояннымъ. Измѣняется только форма и способы ихъ проявленія. Какъ міровыя силы не создаются изъ ничего, такъ онѣ и не обращаются въ ничто.

Міръ есть совокупность всѣхъ его элементовъ. Во вселенной, доступной нашему наблюденію, каждый изъ ея элементовъ является самостоятельнымъ источникомъ всѣхъ ея силъ. Если въ мірѣ есть самостоятельныя и самодѣятельныя творческія силы, то онѣ заключаются и въ его элементахъ. Каждый элементъ вноситъ въ

міровую физіономію свою черту, вліяетъ и измѣняетъ его судьбу. Какъ ни слабъ этотъ источникъ въ общей системѣ міра, однако онъ существуетъ. Онъ дѣйствуетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ самодѣятельно и самостоятельно, то есть по внутреннимъ основамъ своей сущности и природы. Безъ любого изъ этихъ элементовъ міръ былъ-бы другой. Несмотря на ничтожность этихъ элементовъ міровой ходъ и міровой порядокъ необходимо измѣняются отъ дѣйствія каждаго изъ нихъ. Это бываетъ особенно замѣтно тогда, когда мы разсматриваемъ результаты этого дѣйствія на очень большомъ протяженіи времени.

Человѣкъ есть существенный элементъ міра. Онъ играетъ одну изъ видныхъ и крупныхъ ролей въ общемъ ходѣ міровыхъ событій. Если мы признаемъ, что существуютъ дѣятельныя и творческія силы въ ходѣ міровыхъ событій, мы должны необходимо признать ихъ существованіе въ каждомъ человѣкѣ. Всякій человѣкъ имѣетъ право и обязанъ смотрѣть на себя какъ на одинъ изъ самодѣятельныхъ и самостоятельныхъ источниковъ міровыхъ силъ.

Въ отношеніи человѣка къ міру обнаруживается такимъ образомъ двѣ стороны. Съ одной стороны судьба человѣка зависитъ отъ мірового процесса и общаго хода міровыхъ событій. Съ другой—судьба цѣлаго міра до нѣкоторой степени зависитъ отъ человѣка.

Какъ міръ отливаетъ человѣка въ извѣстную форму, такъ и человѣкъ имѣетъ возможность преобразовывать и перестроивать міръ по своимъ идеаламъ въ размѣрѣ имѣющихся у него силъ, средствъ и способностей. Если,

согласно съ идеальнымъ научнымъ пониманіемъ, въ судьбѣ цѣлаго міра можетъ быть прочитана судьба человѣка, то и обратно въ судьбѣ человѣка можетъ быть разгадана судьба цѣлаго міра. Если міръ въ его цѣломъ можетъ быть представленъ какъ безграничная индивидуальность, у которой все закономѣрно и разумно, то и человѣкъ есть цѣлый міръ въ сжатомъ и стереотипномъ изданіи. Вся задача науки и жизни въ числѣ другихъ великихъ задачъ главнымъ образомъ состоитъ въ томъ, чтобы умѣть прочитывать смыслъ и значеніе этихъ двухъ дивныхъ изданій высшаго разума, учиться по нимъ, сообразоваться съ ними въ своихъ поступкахъ. Сущность человѣка и вселенной скрыта для насъ подъ непроницаемымъ покровомъ глубокой таинственности. Наши усилія направлены къ тому, чтобы объяснить ее. Для этого въ нашей внутренней природѣ мы стараемся найти средства раскрыть тайны вселенной и въ тоже время въ явленіяхъ окружающаго міра разгадать самихъ себя. Міръ и человѣкъ такимъ образомъ взаимно пополняютъ и объясняютъ другъ друга. Вся исторія человѣчества проникнута этими двумя взаимно дѣйствующими теченіями. Въ глубокихъ тайникахъ своего духа при помощи одного умозрѣнія человѣкъ открываетъ великіе законы, которымъ подчиняются число и мѣра. Ими онъ объясняетъ самые сокровенные пути природы. Подъ вліяніемъ присущаго ему эстетическаго чувства онъ стремится обнять міръ какъ цѣлое. Посредствомъ такихъ наблюденій надъ жизнію безконечной, загадочной вселенной—по стольку, по скольку она проявляется въ явленіяхъ жизни, общественности и морали,—человѣкъ

въ то-же время усматриваетъ безграничную и таинственную сущность своей дивной природы.

§ 10. Итакъ *человѣкъ есть одинъ изъ самостоятельныхъ, самодѣятельныхъ, активныхъ источниковъ творческихъ, міровыхъ, солидарныхъ между собою силъ.*

Онъ есть вполнѣ автономный элементъ въ общей системѣ міровыхъ элементовъ.

Находя среду для приложенія своей дѣятельности въ обнимающемъ его мірѣ и окружающихъ его элементахъ, онъ самъ въ то-же время является и точкою приложенія для проявленія другихъ силъ. Онъ не можетъ обойти этого основного закона взаимодѣйствія силъ. Въ своихъ отношеніяхъ къ элементамъ ему подобнымъ, онъ превращаетъ этотъ простой законъ взаимодѣйствія въ законы солидарности, общежитія и общественности.

Высказанное нами положеніе дѣлаетъ до нѣкоторой степени излишними абстрактныя разсужденія о свободѣ воли въ томъ извращенномъ видѣ, въ какомъ они являются подъ вліяніемъ различныхъ недоразумѣній.

Въ виду автономіи человѣка съ точки зрѣнія простого научнаго наблюденія, дѣлаются также излишними отвлеченныя соображенія о томъ, существуетъ или не существуетъ случайность въ мірѣ, подчинено или не подчинено все законамъ необходимости. Эти трансцендентные вопросы не должны имѣть никакого вліянія на законы права, морали, воспитанія и общественности. Человѣкъ въ своей дѣятельности разумной, самостоятельной, цѣлесообразной и солидарной съ другими силами долженъ искать истиннаго и справедливаго рѣшенія всѣхъ вопросовъ. Человѣкъ прежде всего самъ для себя является основнымъ источникомъ своей воли. Въ себѣ самомъ и въ своей солидарности со всѣми окружающими его силами онъ долженъ самостоятельно искать разумной свободы, высшей правды, внутренней гармоніи и примиренія всѣхъ антиномій, которыя встрѣчаются на пути его дѣятельности.

При такомъ философскомъ взглядѣ человѣкъ не подавляется цѣлою вселенной, а стоитъ съ ней рядомъ. Внѣшнему великолѣпію этого міра безграничности, закономѣрности и причинности, человѣкъ противополагаетъ внутреннюю гармонію, безконечную глубину, свободу своей личности и цѣлесообразность.

При такомъ міросозерцаніи нашему уму вполнѣ доступенъ и дорогъ нашему духу истинный смыслъ слѣдующихъ поэтическихъ словъ.

Говорятъ широко мірозданье,
Человѣкъ-же ничтоженъ и малъ,
Но гордись человѣка названьемъ,
Ты кто мыслилъ, любилъ и страдалъ.
И пустыней какой безъисходной
Безъ тебя показался бы міръ.
И какой красотою безплодной
Пламенѣлъ бы лучистый эоиръ,
И безсмысленно грустной громадой
Въ его свѣтѣ земля-бы плыла,
И тогда-бы она не отрадой,
Но укоромъ Зевесу была.

При такомъ воззрѣніи дѣлается понятнѣе нашему разуму и глубже проникаетъ въ наше сердце мудрое евангельское изрѣченіе: „Царствіе божіе внутрь васъ есть“.

Наши общія заключенія мы можемъ свести къ слѣдующимъ положеніямъ:

1) Воля проявляется только тамъ, гдѣ есть сознательная, мотивированная, активная и цѣлесообразная дѣятельность.

2) Воля проявляется тѣмъ сильнѣе, чѣмъ энергичнѣе, разумнѣе, свободнѣе и цѣлесообразнѣе дѣятельность, чѣмъ шире, богаче сознаніе, полнѣе и глубже область самосознанія, сильнѣе, постояннѣе и общѣе мотивы для дѣятельности, т. е. чѣмъ цѣльнѣе, полнѣе и совершеннѣе раскрывается вся личность человѣка.

3) Условія, при которыхъ проявляются свобода и воля, одни и тѣ-же.

4) Выраженія „произвольная воля и необходимая воля“ не имѣютъ значенія.

5) Воля тѣмъ свободнѣе, чѣмъ больше условій для проявленія сильной воли.

6) Вопросъ о свободѣ воли, поставленный отвлеченно, ведетъ къ большимъ недоразумѣніямъ.

7) Основныя задачи права, морали, воспитанія и общественности должны стоять въ связи не съ абстрактнымъ вопросомъ о свободѣ воли, а съ вопросомъ объ автономіи человѣка.

8) Человѣкъ есть автономная единица въ общей системѣ міровыхъ элементовъ.

9) Только въ своей солидарности со всѣми окружающими его элементами и силами человѣкъ долженъ самостоятельно искать внутренней гармоніи, высшаго совершенства и разумнаго примиренія всѣхъ антиномій, встрѣчающихся на пути его дѣятельности.

1888. Дек. 30-го. **Н. Бугаевъ.**

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ:

„Новаго Времени“ (А. С. Суворина), А. А. Карцева, М. О. Вольфа, Н. П. Карбасникова, А. Л. Васильева, В. Готье, А. Ланга и И. И. Глазунова продаются:

ТРУДЫ МОСКОВСКАГО ПСИХОЛОГИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА:

Выпускъ I. Артуръ Шопенгауеръ. Очерки его жизни и ученія (по поводу столѣтней годовщины его рожденія). Съ портретомъ Шопенгауера. Статьи: В. И. Штейна, Н. Я. Грота, Л. М. Лопатина, В. П. Преображенскаго и Указатель литературы о Шопенгауерѣ—В. И. Штейна. Цѣна 1 р. 50 коп.

Выпускъ II. Иммануилъ Кантъ. Пролегомены ко всякой будущей метафизикѣ, могущей возникнуть въ смыслѣ науки. Переводъ Владиміра Соловьева. Съ предисловіемъ Н. Я. Грота и приложеніемъ перевода „Критики кантовской философіи“ Куно-Фишера—Н. А. Иванцова. Цѣна 2 р.

Выпускъ III. О свободѣ волѣ. Опыты постановки и рѣшенія вопроса. Рефераты, читанные въ Психологическомъ Обществѣ, дѣйств. членами Н. Я. Гротомъ, Н. В. Бугаевымъ, Л. М. Лопатинымъ. Возраженія С. С. Корсакова, тезисы А. А. Токарскаго и статья П. Е. Астафьева.